

Внешняя политика для большинства?

Новое измерение геополитического кода России

Игорь Окунев

Одним из ключевых понятий, отражающих положение государства в международной системе и тенденции развития ее внешней политики, является геополитический код. Колин Флинт определял его как способ позиционирования в международном сообществе. Владимир Колосов уточняет, что этот код представляет собой набор стратегических предположений правительства относительно других стран при формировании внешней политики. Становление геополитического кода представляет собой поиск ответов на следующие пять вопросов:

- Кто является нынешними и потенциальными союзниками?
- Кто является нынешними и потенциальными врагами?
- Как сохранить нынешних союзников и привлечь потенциальных?
- Как противостоять нынешним врагам и предотвратить появление потенциальных?
- Как объяснить эти четыре выбора населению и международному сообществу? (Значение последнего вопроса в современном мире становится ключевым.)

В данной статье предпринята попытка проследить динамику, с которой происходило существенное изменение геополитического кода России в последние два десятилетия, и поразмышлять о причинах, вызвавших смещение во внешнеполитическом позиционировании.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ КОДИРОВАНИЕ И МОРАЛЬНЫЕ СКРЕПЫ

Любой геополитический код имеет две ключевые переменные: масштаб и ориентацию. История России — путь стремительного увеличения масшта-

---

И.Ю. Окунев — кандидат политических наук, заместитель декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России. Статья развивает положения рукописи, подготовленной автором для журнала *Turkish Policy Quarterly*, Vol. 12, No. 1 Spring 2013.

ба ее геополитических притязаний: от феодальной Московии в XV веке до зажатого внутри континента национального государства Ивана Грозного; от прорывающейся к морям державы Петра Великого до величайшей колониальной империи начала XX века. К концу Второй мировой войны Советский Союз и США, пройдя эволюцию от региональных до глобальных держав, сформировали биполярную мировую систему. Распад Советского Союза поставил современную Россию перед необходимостью выбора между глобальной стратегией, на которую уже не хватало военных и экономических ресурсов, и региональной, которая не удовлетворяла сохранившимся амбициям. По удачному выражению Томаса Волджи, нынешняя Россия обладает статусом мнимой великодержавности (*overachiever major power*), то есть ее признанный глобальный статус не обеспечен должными ресурсами, а потенциал влияния на международную повестку остается преимущественно символическим.

Ориентация геополитического кода России всегда была предметом ожесточенной полемики в среде интеллигенции. Некогда объявив себя наследницей Византии («Третьим Римом»), центром восточного христианства, Россия противопоставила свой путь развития западноевропейскому и породила извечный вопрос, насколько страна является частью европейской цивилизации, и соответственно, должна ли она двигаться в западной парадигме развития или выбрать свой особый путь. Хотя большинство населения всегда придерживалось скорее антизападных взглядов, данный спор оставался частью интеллектуального дискурса, поскольку элита страны хотела, чтобы ее принимали в Европе за свою, и вела Россию преимущественно по европейскому пути. Даже в советское время элита, абсорбирав западную идеологию коммунизма, противопоставляла страну не Западу, а империализму и капитализму, предлагая не антизападный путь развития общества, а *альтернативный* западному.

Сегодня мы, похоже, становимся свидетелями того, что в умах российской элиты происходит кардинальное переосмысление геополитического кода: акцент во внешней политике смещается с глобального на региональный, а ее ориентация начинает тяготеть к незападноцентричной. По сути, впервые политическая элита полноценно встает на позицию большинства населения и начинает разыгрывать антизападную карту как главный козырь своей внутренней политики.

Каждый новый срок президент России принимает концепцию внешней политики, и, проанализировав последние четыре такие стратегии, не сложно увидеть описываемый сдвиг в позиционировании. Первая стратегия Владимира Путина начала 2000-х гг. была целиком обращена на За-

пад. В памятной речи перед депутатами немецкого Бундестага новый лидер сказал, что Россия сделала исторический выбор, и этот выбор — европейский. Однако уже вскоре началось блуждание в поисках идей особого пути. Следующая стратегия представляла Россию в качестве энергетической сверхдержавы, а затем внешняя политика рассматривалась как ресурс внутренней модернизации. Наконец, последняя доктрина внешней политики Путина, появившаяся на свет в феврале 2013 г., прямо нацелена на укрепление национального суверенитета, которое понимается как системное противопоставление себя Западу. Россия времен третьего президентства Путина начинает вести прагматичную и резкую политику в духе *Realpolitik*.

Жесткая антизападная риторика началась с борьбы против иностранных некоммерческих организаций, обвиненных в попытках влияния на внутреннюю политику и финансировании оппозиции, и продолжилась общественной кампанией национализации элиты, подразумевающей в том числе запрет на зарубежные счета и имущество чиновников. Российская элита сняла с себя многовековую маску просвещенной проевропейской власти и с упоением пустилась навстречу народному почвенничеству и антизападничеству. Разогреваемые друг другом российская элита и население сплотились в отторжении Запада, которое порой начинает принимать самые низкопробные и мракобесные формы.

В чем причина такого поворота? У ответа есть несколько слоев, и чтобы докопаться до самого глубокого, надо слой за слоем снять все остальные.

Очевиден самый первый — конъюнктурный. В ситуации подъема оппозиционного движения и массовых митингов в Москве зимой 2011–2012 гг. Владимир Путин должен был найти инструмент консолидации элиты. Обращение к народности, с одной стороны, и педалирование в сознании населения образа внешнего врага, с другой, стало платформой, на которой объединился широкий антилиберальный спектр российских политических сил. В этом смысле характерно название нового политического движения — Общероссийский народный фронт, за которым Путин закрепляет функцию широкой коалиции поддерживающих его слоев населения. По существу, потеряв поддержку либеральных сил, Путин из национального лидера, действующего над схваткой политических оппонентов и уравнивающего правые и левые силы, славнофилов и западников, превращается в консерватора-правоцентриста, строящего свою политику от позиции большинства, но в то же время от него зависящего.

Однако конъюнктура — лишь повод, за которым стоит желание форсировать разворот внешней политики. Следующий слой связан с «обидой» политической и дипломатической элиты страны на действия Запада в начале 2000-х годов. Сейчас это сложно себе представить, но после взрывов в Нью-Йорке, когда Владимир Путин предложил Америке стратегическое партнерство в борьбе с новым общим врагом, идея вступления России в НАТО обсуждалась абсолютно серьезно. Вероятно, такое развитие событий изменило бы мир. Техническое присоединение к альянсу, очевидно, было невозможно. Потребовалась бы кардинальная перестройка НАТО, в первую очередь пересмотр круга потенциальных угроз и способов их устранения — процедура необходимая, но так и не завершенная в альянсе до сих пор. Единый западный фронт от Владивостока до Сиэтла, конечно, мог бы совсем по-другому реагировать на региональные угрозы вдоль всего периметра — от Северной Кореи через Афганистан, Ирак, Сирию, Ливию до Кубы и Венесуэлы.

Однако, по мнению российской элиты, протянутую руку не приняли, точнее, Запад был согласен на помощь, но не на равноправное партнерство. Внешняя политика мнимой великой державы строится на символическом капитале, и Россия требовала символического оформления нового братства, которое не состоялось. Мифическая разграничительная линия Запад—Восток все еще присутствует в сознании европейцев и мешает признать в России друга. Запад выбрал иной путь — вместо игры в символы и поддавки с Россией воспользовался ее слабостью и нарушил обет, данный Михаилу Горбачёву при объединении Германии в том, что НАТО ни на шаг не продвинется восточнее германско-польской границы. Сместем предположить, что такой реалистический выбор оказался близоруким. В угоду тактическому успеху расширения НАТО на страны Восточной Европы и Балтии европейцы потеряли исторический шанс масштабного стратегического продвижения на Восток за счет полноценного включения России в силовое поле европейской цивилизации. Справедливости ради стоит признать, что порой непоследовательная (особенно в части выбора друзей) российская дипломатия не могла вызвать необходимого доверия у западных партнеров.

Схожая стратегическая ошибка Запада заключалась и в непринятии Турции в члены ЕС. Закопавшись в разбирательствах относительно границ европейской цивилизации, в перебранках по важным, но стратегически узким вопросам (скажем, Северного Кипра), европейцы упустили уникальный шанс включить Малую Азию и Ближний Восток в орбиту европейской идентичности, постараться заполучить (впрочем, без гарантий

успеха) ключевого союзника в борьбе с исламским фундаментализмом. Жесткая пропалестинская политика Европы вывела из круга европейских союзников еще один клочок западной идентичности на Ближнем Востоке — Израиль.

Не приняв Россию, Турцию и Израиль в качестве равноправных центров Запада, его форпостов в продвижении западных ценностей, Европа сжалась до ментальных границ Средневековья. Тем самым может оказаться, что мы вступаем в эпоху заката европейской цивилизации, не в смысле ее исчезновения, но в смысле ее отказа от глобальных амбиций. Многовековой путь продвижения европейских идеалов, похоже, исчерпал себя в самом начале XXI века. Европа спряталась в уютном доме внутри самого крупного полуострова Евразии.

Но и этот геополитический слой не окончательный. Отвергнутые Россия и Турция были вынуждены искать иную, неевропейскую основу их идентичности, которую вскоре нашли: одни — в обращении к исламу, другие — в евразийстве. Евразийство как идеология особого российского геополитического пути была сформулирована в 20–30-е гг. XX в. русскими аристократами-эмигрантами, бежавшими от большевистского режима в Восточную Европу. Евразийский геополитический код представляет Россию государством-островом в северо-восточной Евразии, окруженным чужеродными цивилизациями и поддерживающим свое могущество укреплением внутриконтинентальных связей на пространстве бывшей Российской империи. Простые и доступные с точки зрения географии идеи евразийства до сих пор встречали критику из-за размытости социальных и нравственных идеологем. Европейские ценности свободы личности и рынка неустанно демонстрировали прогресс в достижении экономического и социального процветания, в то время как противопоставлявшаяся им в евразийстве русская соборность оставалась лишь эфемерной утопией.

Старая Европа самозабвенно наслаждается своими успехами в продвижении либеральных и социальных ценностей, не замечая, как они в корне меняют отношение к самой Европе. Социальное государство, которое становится заложником неимущих слоев населения и подрывает стимул к самореализации, неуправляемый мультикультурализм, размывание института традиционной семьи и гендерных ролей в обществе, агрессивная эмансипация представителей нетрадиционных сексуальных ориентаций, воинствующий атеизм и моральный релятивизм — все это становится нормами жизни на Западе. Если раньше европейские ценности считались во всем мире непреложной истиной и секретом процветания, ны-

нешние их воплощения воспринимаются извне как кризис социал-либеральной идеологии Запада.

До последнего момента Россия хоть и считала себя «не вполне Европой», но все же не ставила под сомнение зависимость прогресса от соответствия западным нормам жизни. Новый уровень западных идеалов, болезненно воспринимаемый российским обществом, дал политической элите почву для построения новой консервативной идеологии, главным лейтмотивом которой служит идея о губительности западного пути развития и необходимости обращения к собственным нравственно-духовным основам. Создание «духовных скреп» общества стало центральной темой последнего программного выступления Владимира Путина перед парламентом.

ЕВРАЗИЙСКАЯ МИССИЯ

Однако наметившийся и искусственно усиливаемый идеологический раскол России и Запада не является последним слоем, за которым кроются причины антизападного поворота политической элиты. Завершающим штрихом выступают лидерские амбиции российского президента – его желание навсегда войти в историю, которое, вероятно, является главным смыслом нового срока. Консолидация общества на антизападной (и, соответственно, антиоппозиционной) почве, охлаждение отношений с США и Европой, ценностный кризис социал-либерализма – все это создает почву для реализации главной мессианской идеи Владимира Путина – возрождения единого евразийского пространства, бывшей геополитической ниши Российской империи и Советского Союза. Провозглашенный Евразийский союз строится в новых условиях и по новым моделям, это уже не колониальное образование, а гибкий взаимовыгодный проект экономической интеграции. При этом в условиях замыкания и кризиса Запада это и попытка предложить альтернативную модель социально-экономического, а главное – духовно-цивилизационного развития, а это уже задача вполне исторического масштаба.

Создание Таможенного союза, конечно, далеко не первая попытка построения региональной интеграционной структуры на евразийском пространстве. За последние десятилетия таких структур, наслаиваемых друг на друга, было создано множество – СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, Единое экономическое пространство, Союзное государство России и Белоруссии и т.д. Может создаться впечатление, что Таможенный союз лишь расширяет список. И все-таки ощущается некий качественный скачок между прошлыми действиями, с одной стороны, и Таможенным союзом

и планируемым на его основе с 2015 года Евразийским экономическим союзом — с другой.

Новое качество проявляется в том, что если раньше интеграционные попытки подкреплялись преимущественно правильными, но недействительными словами о братстве народов, культурно-языковом единстве и схожем историческом пути, что неминуемо порождало фобии новой русской колонизации, то нынешнее образование говорит почти исключительно языком экономической выгоды. Более того, после вступления России в ВТО можно быть уверенным, что все региональные торговые и таможенные практики не будут противоречить общемировым. За первый год работы Таможенного союза прирост взаимной торговли между государствами — участниками проекта составил около 40%, за два года в целом — примерно в два раза. Так, перед Украиной сегодня стоит вполне прагматичная дилемма — по оценке экспертов, вместе с Евразийским союзом — прирост экспорта на 9 млрд долл., вместе с Европейским — потеря 1,5 млрд из-за асимметричных правил торговли.

Другой новацией российской внешней политики в направлении евразийской интеграции становится отказ от желания любой ценой собрать всех и вся под знамя регионального объединения. Как и в Европейском союзе, евразийская интеграция становится многоуровневой и идущей на разных скоростях. Если государство готово только к зоне свободной торговли — она теперь действует в рамках СНГ. Если видит экономическую целесообразность дальнейшего сближения — добро пожаловать в Таможенный союз.

ПОЧЕМУ МЕНЯЕТСЯ КОД?

Однако где граница между конъюнктурными изменениями и сменой геополитического кода? Почему мы можем говорить именно о смене, а не о флуктуации в силу ряда сиюминутных причин? Изменение геополитического кода во времени имеет нелинейную динамику (разные скорости в разные периоды). Так, жесткость биполярной системы предполагала относительную стабильность геополитического кода. Это было обусловлено существованием двух устойчивых коалиций универсального характера. По всем вопросам (от военно-стратегических и культурно-идеологических до социально-экономических) страны руководствовались мнением Москвы или Вашингтона как лидера коалиции. Это не позволяло никакой гибкости, потенциальные союзники и враги страны были предопределены самой структурой биполярного мира.

После распада СССР потенциальный динамизм резко возрос. Во-первых, кардинально изменился характер альянсов, они перестали быть

устойчивыми и универсальными. В сегодняшнем усложняющемся мире мы живем в эпоху ситуативных коалиций *ad hoc*. Страны группируются и перегруппировываются от случая к случаю: Канада поддержит США в афганской войне, но в какой-то момент выступит против Ирака. Такие гибкие коалиции перестали быть универсальными: Норвегия будет поддерживать Евросоюз в вопросах обороны, но не соглашаться на углубленную экономическую интеграцию. Коалиции складываются под конкретную задачу, и каждый раз они носят временный характер. В таких условиях любая страна оказывается чрезвычайно гибкой в выборе союзников и противников, более того, до определенного предела она может манипулировать теми или иными государствами, позиционируя себя в качестве их союзника в одних вопросах и оппонента – в других. Все это делает геополитический код менее устойчивым и подверженным бифуркациям и выдвигает на авансцену преимущественно символические аспекты позиционирования.

Вторая причина нынешнего динамизма заключается в существенном расширении числа акторов международных отношений. Если раньше внешняя политика была исключительной прерогативой государств, то сегодня мы видим, как стремительно растет число их конкурентов. На международной арене им приходится сталкиваться и договариваться с транснациональными корпорациями, международными некоммерческими организациями, мафией, повстанческими группами, пиратами, террористическими группировками и т.д. Даже отдельный известный человек сегодня способен выступать самостоятельным актором мировой политики (например, Джордж Сорос). Можно утверждать, что все перечисленные игроки обладают собственным набором союзников и врагов и специфической выборкой одних и других, а соответственно, и уникальным геополитическим кодом. Но если устойчивость геополитическому коду страны придает суверенитет и внутренняя легитимность, то коды негосударственных акторов предельно подвижны и сиюминутны.

Можно было бы говорить о шлифовке или флуктуации российской внешней политики, если бы не два обстоятельства: глобальное ускорение динамики изменения геополитического кода и наличие глубинных идеологических причин развода России с Западом. Существуют короткие и длинные фазы смещения геополитического кода. Короткие становятся данью времени, они зависят от формирования ситуативных коалиций среди множества разноформатных внешнеполитических игроков. Более длинные фазы зависят от фундаментальных факторов, в первую очередь идеологического или цивилизационного родства тех или

иных союзников или противников. В нашем случае именно новые западные ценности, их непонимание и неприятие в России становятся базой для отсчета длинной фазы.

Так, под действием комплекса причин российский геополитический код смещается — с западноцентричного на незападноцентричный, с глобального на региональный. При этом, вероятнее всего, становление нового центра силы вокруг России не будет гладким. Соппротивление неизбежно как со стороны государств, которые Москва видит частью своего пространства, так и со стороны других центров силы — Европы, Китая, мусульманского мира, наконец, США, которые на предстоящий период сохраняют глобальное доминирование, хотя их отрыв от остальных будет сокращаться. Россия, которая отходит от проевропейской ориентации, но по своему уже не геополитическому, а культурному коду не принадлежит к Азии, должна быть готова к существованию в конкурентной среде, где едва ли может на кого-либо полагаться, кроме себя. Что снова ставит вопрос о том, достаточно ли у нее собственных ресурсов для такого курса.